

зависит значение динамичности и статичности в глагольной сфере. Вид глагола тесно связан с его лексическим своеобразием. Глаголы совершенного и несовершенного вида обладают разной сочетаемостью с обстоятельствами, актуализирующими значение динамичности и статичности. Это позволяет рассматривать динамику и статику не только в значении глагола, но и на уровне синтагматики, в частности, в простом предложении. В лингвистике выделяются и соответствующие типы простых предложений, например, акциональные или бытийные. Такое деление базируется на семантике главного члена, выраженного глаголом. Соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых является одним из аспектов при анализе значения динамичности и статичности в сложном предложении. Различные средства выражения этих значений на разных языковых уровнях предполагают полевою структуру, а значит, динамичность и статичность – категории функционально-семантические. Ядром поля динамичности можно считать глагол, а в поле статичности, глагол, вероятно, находится на периферии, так как обладает общекатегориальным значением процесса или действия в широком понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – С. 18 – 19.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С.169.
3. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М. 1976. – С.303.

4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 316.
6. Там же. – С. 712.
7. Там же. – С. 206.
8. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – С. 303, 305.
9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
10. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – С. 19.
11. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
12. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – С.302.
13. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия (теоретические основы). – Таллин, 1983. – С. 183.
14. Там же. – С. 185.
15. Там же. – С. 185.
16. Там же. – С. 186.
17. Там же. – С. 185.

A. Gladyshev

THE MEANING OF THE DYNAMICS IN THE VERBS OF THE ACTION INTENSITY

Abstract: An integral part of an action dynamics is its intensity. The verbs of the way of the action dynamics have the meaning of the motion, which is formed by the definite word-formative means. The main peculiarity of the verbs of this group is a high level of the intensity of action. The dynamics actualization can be seen in syntagmatics.

Key words: dynamics, intensity, the way of the action, word-formative mean, semantics.

УДК 811.161.1'367.625.43

Замятина И.В.

ПРИЧАСТИЕ КАК ДВУПРИРОДНАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА*

Аннотация: В статье рассматривается грамматический статус причастия в связи с общей проблемой выделения частей речи.

Ключевые слова: причастие, грамматическая форма, признаковость, процессность.

Говоря о частеречной принадлежности причастия, нельзя не обратиться к истории их классификации. Классификация слов, выделение каких-то групп, по замечанию В. Алпатова, «в античной науке оказалась самой детальной» [1].

Самой абстрактной была классификация частей речи у Аристотеля – он выделял имена, глаголы, частицы. Стойки создали

* © Замятина И.В.

более детальную классификацию, и именно основателями школы стоиков был введён термин «причастие» (*metoxe*) (3 в. до нашей эры). Окончательный вид античная система частей речи приобрела у учёных Александрийской школы, «современная терминология восходит к Александрийской системе» [2].

В рамках этой же школы, в грамматике Дионисия Фракийского (170-190 до нашей эры) причастие было выделено как особая часть речи. Александрийцы выделяли восемь частей речи: имя, глагол, *причастие*, наречие, местоимение, предлог, союз, артикль (член). Грамматисты Александрийской школы считали, что всякая часть речи отличается «акциденциями», то есть признаками, под которыми понимается то, что сейчас принято называть лексико-грамматическими категориями [3].

Эта система была перенята римлянами, которые вместо артикля включали в систему частей речи междометие. Главным критерием выделения частей речи в античных грамматиках был морфологический. Римский грамматист Варрон предложил строгую схему признаков, по которым выделялись части речи: имена – слова, которые изменяются по падежам, глаголы изменяются по временам, *причастия по падежам и по временам*, наречия никак не изменяются.

Эта классификация стала основой позднейших европейских классификаций. До XVI—XVII она оставалась неизменной, а потом подверглась изменениям и дополнениям – в качестве самостоятельной части речи было выделено имя прилагательное, позднее – имена числительные и частицы, а причастие стало исключаться из состава самостоятельных частей речи. В русистике старая точка зрения на самостоятельность причастия высказывалась и в XIX, и в XX веках.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 года выделил восемь частей речи, выделенных в античную эпоху у Дионисия Фракийского и Варрона – имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие. Внутри именной системы М.В. Ломоносов выделил «собственно имя», прилагательное, числительное. Первым в русской лингвистике имя прилагательное как самостоятельную часть речи выделил А.Х. Востоков, один из

русских основателей сравнительно-исторического языкознания, и он же включил в систему прилагательного *причастие*.

В наше время дискуссии о составе частей речи не утихают. В.В. Виноградов отмечал, что в грамматике современного русского языка имеется множество противоречий и разногласий – больше, чем в других науках, и на это есть две причины, первая – плохая изученность грамматического строя русского языка, вторая – отсутствие прочных теоретических основ, отсутствие «определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения» [4].

Категория частей речи является центральным элементом грамматической системы любого языка, по крайней мере, языка флективного или агглютинативного типа. Части речи – самые обширные классы слов языка, традиционно они могут выделяться на основании трёх признаков: а) на основании обобщённого грамматического значения; б) на основании общих морфологических признаков и общности парадигмы; в) на основании общих синтаксических функций. Первые два признака – главные, так как обладают категориальным содержанием и информацией о грамматическом наполнении слова, не исключая те формы, которые имеют синкретичный набор морфологических признаков и которые не могут быть однозначно квалифицированы. Традиционная русская грамматика, сложившаяся под влиянием грамматик античных и западноевропейских, насчитывает от восьми до десяти частей речи (классификация В.В. Виноградова включает части речи, три класса слов он относит к «частицам речи», ещё два класса слов не относятся ни к первому, ни ко второму разряду). «Бесспорными» частями речи, теми, которые имеют чёткое категориальное значение и строго очерченный набор морфологических категорий, являются имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие. В некоторых концепциях отказывалось в праве на частеречный статус служебным частям речи, в настоящее время подвергается сомнению «отдельность» местоимений и числительных. Кроме того, постоянным «камнем преткновения» являются части речи / не части речи *причастие*, *деепричастие* и *категория состояния*.

«Имя существительное, имя прилага-

тельное, глагол и наречие являются *основными частями речи и основными грамматическими категориями*» [5]. Все другие классы слов, которым либо отказывается в статусе части речи, либо такой статус даётся, так или иначе могут включаться в одну из четырёх бесспорных категорий или переходить в новую формирующуюся категорию.

Существует множество концепций частей речи, одна из них – *категориальная*, с позиций которой часть речи – фундаментальная морфологическая категория, она присуща слову в совокупности с частными морфологическими категориями, в которых она реализуется. С позиций этой концепции категориальное значение в русском языке имеют «три части речи: имя существительное – *предметность*, имя прилагательное – *признаковость*, глагол – *процессность*, а также (с оговорками, сделанными выше) наречие – *адвербиальность*» [6].

Итак, причастие на заре научного языкознания античными грамматистами определялось как самостоятельная часть речи (Аристарх Самофракийский, Дионисий Фракийский, Варрон, Присциан). В русской грамматике уже в первой половине XIX века оно было включено в состав имени прилагательного (А.Х. Востоков).

Оригинальная мысль о происхождении частей речи и о соотношении глагола, имени и причастия была высказана А.Ф. Потемной. Он считал, что первоначальное слово было лишено всяких формальных признаков и ещё не являлось ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. По его мнению, разложение чувственных образов началось с возникновения тех слов, в которых ещё были смешаны свойства современных имён и глаголов. А.Ф. Потемня называет эти слова «первообразными причастиями», которые были похожи скорее на имя, чем на глагол и которые выделили из себя имя [7].

Заслуживает внимания частеречная классификация, представленная В.А. Богородицким. Он считал, что при описании частей речи необходимо обращать внимание не только на значение и словоизменение, «... кроме того, необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обыкновенно игнорируется» [8]. В концепции Богородицкого выделяются две груп-

пы слов с самостоятельным собственным значением (имя существительное, глагол, личное местоимение); придаточные с собственным значением (имя прилагательное, числительное, местоимения). В.А. Богородицкий, по-видимому, одним из первых указал промежуточное положение причастия: «к придаточным частям речи, имеющим собственное значение, ещё следует отнести причастие, представляющее собою образование прилагательных от глагола с удержанием некоторых глагольных свойств и занимающее посредствующее положение между глаголом и именем прилагательным» [9].

Эта мысль о связи некоторых частей речи и смешении свойств разных частей речи в одной была развита А.М. Пешковским: «...словообразование ведёт к образованию отдельных крупных и важных рубрик, которые можно было бы назвать смешанными частями речи» [10], такое явление возникает тогда, когда категории, свойственные одной части речи, становятся в какой-то части свойственными другой части речи. А.М. Пешковский внутри категории имени прилагательного выделяет категорию глагольных прилагательных, а уже внутри этой категории – категорию причастий. Итак, А.М. Пешковский определяет причастие как «смешанную часть речи», но потом всё-таки говорит о несомненной связи причастия с глаголом: «Причастие, деепричастие и инфинитив, несмотря на то, что первые два принадлежат другим частям речи, оказываются теснейшим образом связанными с глаголом. То, что в школьных учебниках эти три группы вместе с самим глаголом определяются под одной этикеткой глагола, хоть и нелогично, но не лишено грамматического смысла» [11].

Как мы видим, в грамматических трудах второй половины XIX – начала XX века проводится одна мысль – причастие обладает свойствами и глагола, и прилагательного, оно занимает неопределённое место в грамматической системе русского языка. Вопрос о грамматическом статусе «смешанных» частей речи был поднят в XIX веке, а в отечественном языкознании XX века эта проблема связана в первую очередь с именем В.В. Виноградова.

В.В. Виноградов, когда писал о причастиях, то поместил их в главу об именах

прилагательных, озаглавив раздел: «Причастия как категория гибридно-прилагательных форм», подчеркнув тем самым неопределённое положение причастия. В.В. Виноградов считает, что причастия – это «поток форм», который идёт непосредственно от глагола и внедряется в систему имён прилагательных – «это причастия, в которых глагольность выражается как окачествлённое действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного», с семантической стороны в причастиях сталкивается значение признака со значением действия-процесса, с грамматической – категории вида, времени залога с системой склонений [12]. Нам представляется, что самыми главными положениями В.В. Виноградова о системе причастий современного русского языка являются: во-первых, медленный отход, «дрейф» причастий от системы глагола; во-вторых, процесс образования новой гибридной лексемы, процесс распада единства причастных форм; в-третьих, разное отражение взаимодействия «стихии глагола и стихии прилагательного» в разных грамматических типах причастий [13].

В русистике точка зрения, определяющая причастие как форму глагола, является господствующей, что отразилось в различных учебниках и учебных пособиях, как школьных, так и вузовских. Несмотря на то, что точка зрения на причастие как на «особую» форму глагола, была высказана в большинстве изданий учебной и справочной литературы, имеются и альтернативные точки зрения на грамматическую природу причастия.

Как мы видим, причастия за столетия грамматических исследований, определялись как: 1) часть системы имени прилагательного; 2) часть системы глагола; 3) самостоятельная часть речи.

Очевидно, что выработка общей точки зрения на грамматический статус причастия – задача сложная. Причастие является бинарным образованием по своей природе, по-видимому, сейчас мы не можем убедительно доказать происхождение индоевропейского причастия – произошли ли от него глагол и имя, или само причастие является порождением имени и глагола. Мы знаем, что причастие – явление двустороннее, и нам представляется, что биться за какой-то определённый статус причастия не

нужно – его двойственность это не отменит. Каждая бесспорная часть речи имеет идеальный набор признаков, семантических и грамматических. Части речи, не имеющие идеального набора признаков, никогда не будут определяться как «бесспорные». По-видимому, чтобы создать относительно адекватное описание спорных языковых единиц, самым целесообразным описанием станет то, которое опирается на «полевую теорию».

В.Г. Адмони писал о невозможности построения классификации частей речи, охватывающей весь известный материал языка, исходя из одного критерия. Причина такого положения – наличие у слова целого ряда грамматических признаков и неравномерное распределение этих признаков по массе слов и форм. «...возникает... своего рода «полевая структура».... В огромном количестве слов выделяется некий разряд, комплексно обладающий неким набором грамматических признаков и не обладающий никакими иными признаками. А на периферии этого разряда располагаются другие разряды и отдельные слова, обладающие лишь частью грамматических признаков, но зато могущие обладать и другими грамматическими признаками» [14].

Трудно, да, наверное, и невозможно сделать обзор всех работ, посвящённых частеречному статусу причастия, тем более что сказать что-то принципиально новое по этой проблеме нельзя. Мы можем только присоединиться к той или иной концепции. Мы принимаем концепцию полевого строения системы частей речи русского языка, но более соответствующей реальному соотношению частей речи мы считаем схему, предложенную В.В. Виноградовым. Главный пафос его системы – учёт движения и взаимовлияния частей речи и грамматических категорий.

Итак, мы видим, что как бы ни определялось причастие – как прилагательное, как глагольная форма или как часть речи, – неизменным остаётся одно – причастие обладает признаками двух частей речи, имени прилагательного и глагола, причём соотношение признаков этих частей речи не такое, как в предикативах (словах категории состояния). В причастии «преобладают и главенствуют именные формы (полная парадигма), что и даёт повод относить данную категорию слов (форм) к имени прила-

гательному. Однако значение процесса не подавлено, а подкреплено категорией вида и времени (и залога). Поэтому причастие обречено быть близкой периферией глагольного слова. Значение причастия «который делается» привязывает его к существительному (субъекту или объекту), а это даёт равные шансы как на статус части речи, так и на статус формы глагола [15].

Однозначное и непротиворечивое определение причастия невозможно ещё и потому, что систему причастия составляют неоднородные формы, на это обращали внимание многие лингвисты, в том числе и В.В. Виноградов.

В.В. Виноградов писал о постепенном отхождении причастных форм от глагола (см. выше), но указывал на неоднородность этого процесса внутри разных разрядов причастных форм – какие-то формы теряют свою «причастность к глаголу» и приближаются к имени прилагательному, какие-то остаются причастиями.

Итак, повторяя то, что было сказано в начале статьи, мы говорим, что не ставим своей целью окончательно решить проблему грамматического статуса причастия. Мы присоединяемся к мнению П.А. Леканта о том, что причастие в равной мере может претендовать и на статус части речи, и на статус формы глагола.

Причастие, благодаря своей двойственности, форма чрезвычайно гибкая с точки зрения синтаксического строя языка – пожалуй, никакая другая часть речи не может занимать столь разнообразные позиции в структуре предложения. «Различия в грамматической структуре разных частей речи обусловлены различиями их синтаксических функций. А эти различия, в свою очередь, органически связаны с системой основных грамматических категорий, которые определяют строй предложения и его эволюцию» [16]. Причастие – уникальная форма, с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, способность, доставшаяся ему от глагола, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным. Мы предполагаем, что именно синтаксическая позиция причастия может акцентировать его «глагольную» или

«прилагательную» составляющие. Помимо синтаксической позиции важную роль в проявлении разных сущностей причастия может играть контекст, в котором оно употребляется – так, например, для страдательных форм, как полных, так и кратких, необычайно важным оказывается замещение / незамещение облигаторной позиции творительного падежа со значением агенса, компонента, формирующего и поддерживающего пассивную конструкцию. В свою очередь, употребление / неупотребление агентивного компонента может зависеть и от семантики причастной формы, и от семантики синтаксической конструкции, в которой она употребляется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001. – С. 40.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975. – С. 104.
3. Там же. – С. 103.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 9.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 103.
6. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002.
7. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001 – С. 401.
8. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1935. – С. 104.
9. Там же. – С. 104-105.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 104.
11. Там же. – С. 132.
12. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 221.
13. Там же. – С. 221-230.
14. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи // Вопросы теории частей речи: На материале языков различных типов. – Л., 1968. – С. 98.
15. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 16.
16. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 37.

I. Zamyatina
PARTICIPLE AS A DUO-NATURAL
GRAMMAR FORM

Abstract: The paper is devoted to study of participles grammar status in a general problem of distinguishing parts of speech.

Key words: participle, grammar form, attribute, process.